

А.С.ГРИН

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

Александр Грин

СЛОВООХОТЛИВЫЙ ДОМОВОЙ

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=271502

Аннотация

Домовой тоже может страдать от зубной боли. И тогда он, измученный и несчастный, не исчезает при виде человека и может даже рассказать историю людей, когда-то, давным давно, живших в этом доме, теперь ставшем развалинами.

© *FantLab.ru*

Александр Грин.

СЛОВООХОТЛИВЫЙ ДОМОВОЙ

Я стоял у окна, насвистывая песенку об Анне...

Х. Хорнунг

I

Домовой, страдающий зубной болью, – не кажется ли это клеветой на существо, к услугам которого столько ведьм и колдунов, что безопасно можно пожирать сахар целыми бочками? Но это так, это быль, – маленький, грустный домовой сидел у холодной плиты, давно забывшей огонь. Мерно покачивая нечесаной головой, держался он за обвязанную щеку, стонал – жалостно, как ребенок, и в его мутных, красных глазах билось страдание.

Лил дождь. Я вошел в этот заброшенный дом переждать непогоду и увидел его, забывшего, что надо исчезнуть...

– Теперь все равно, – сказал он голосом, напоминающим голос попугая, когда птица в ударе, – все равно, тебе никто не поверит, что ты видел меня.

Сделав, на всякий случай, из пальцев рога улитки, то есть «джеттатуру», я ответил:

– Не бойся. Не получишь ты от меня ни выстрела сереб-

ряной монетой, ни сложного заклинания. Но ведь дом пуст.

– И-ох. Как, несмотря на то, трудно уйти отсюда, – возразил маленький домовый. – Вот послушай. Я расскажу, так и быть. Все равно у меня болят зубы. Когда говоришь – легче. Значительно легче... ох. Мой милый, это был один час, и из-за него я застрял здесь. Надо, видишь, понять, что это было и почему. Мои-то, мои, – он плаксиво вздохнул. – Мои-то, ну, – одним словом, – наши, – давно уже чистят лошадиные хвосты по ту сторону гор, как ушли отсюда, а я не могу, так как должен понять. Оглянись – дыры в потолке и стенах, но представь теперь, что все светится чистойшей медной посудой, занавеси белы и прозрачны, а цветов внутри дома столько же, сколько вокруг в лесу; пол ярко натерт; плита, на которой ты сидишь, как на холодном, могильном памятнике, красна от огня, и клокочущий в кастрюлях обед клубит аппетитным паром.

Неподалеку были каменоломни – гранитные ломки. В этом доме жили муж и жена – пара на редкость. Мужа звали Филипп, а жену – Анни. Ей было двадцать, а ему двадцать пять лет. Вот, если тебе это нравится, то она была точно такая, – здесь домовый сорвал маленький дикий цветочек, выросший в щели подоконника из набившейся годами земли, и демонстративно преподнес мне. – Мужа я тоже любил, но она больше мне нравилась, так как не была только хозяйкой; для нас, домовых, есть прелесть в том, что сближает людей с нами. Она пыталась ловить руками рыбу в ручье, стучала по

большому камню, что на перекрестке, слушая, как он, долго затихая, звенит, и смеялась, если видела на стене желтого зайчика. Не удивляйся, – в этом есть магия, великое знание прекрасной души, но только мы, козлоногие, умеем разбирать его знаки; люди непроницательны.

«Анни! – весело кричал муж, когда приходил к обеду с каменоломни, где служил в конторе, – я не один, со мной мой Ральф». Но шутка эта повторялась так часто, что Анни, улыбаясь, без замешательства сервировала на два прибора. И они встречались так, как будто находили друг друга – она бежала к нему, а он приносил ее на руках.

По вечерам он вынимал письма Ральфа – друга своего, с которым провел часть жизни, до того как женился, и перечитывал вслух, а Анни, склонив голову на руки, прислушивалась к давно знакомым словам о море и блеске чудных лучей по ту сторону огромной нашей земли, о вулканах и жемчуге, бурях и сражениях в тени огромных лесов. И каждое слово заключало для нее камень, подобный поющему камню на перекрестке, ударив который слышишь протяжный звон.

«Он скоро приедет, – говорил Филипп. – Он будет у нас, когда его трехмачтовый “Синдбад” попадет в Грес. Оттуда лишь час по железной дороге и час от станции к нам».

Случалось, что Анни интересовалась чем-нибудь в жизни Ральфа; тогда Филипп принимался с увлечением рассказывать о его отваге, причудах, великодушии и о судьбе, напоминающей сказку: нищета, золотая россыпь, покупка ко-

рабля и кружево громких легенд, вытканное из корабельных снастей, морской пены, игры и торговли, опасностей и находок. Вечная игра. Вечное волнение. Вечная музыка берега и моря.

Я не слышал, чтобы они ссорились, – а я все слышу. Я не видел, чтобы хоть раз холодно взглянули они, – а я все вижу. «Я хочу спать», – говорила вечером Анни, и он нес ее на кровать, укладывая и завертывая, как ребенка.

Засыпая, она говорила: «Филь, кто шепчет на вершинах деревьев? Кто ходит по крыше? Чье это лицо вижу я в ручье рядом с тобой?» Тревожно отвечал он, заглядывая в полусомкнутые глаза: «Ворона ходит по крыше, ветер шумит в деревьях; камни блестят в ручье, – спи и не ходи босиком».

Затем он присаживался к столу кончать очередной отчет, потом умывался, приготавливал дрова и ложился спать, засыпая сразу, и всегда забывал все, что видел во сне. И он никогда не ударял по поющему камню, что на перекрестке, где вьют из пыли и лунных лучей феи замечательные ковры.

II

– Ну, слушай... Немного осталось досказать мне о трех людях, поставивших домового в тупик. Был солнечный день полного расцвета земли, когда Филипп, с записной книжкой в руке, отмечал груды гранита, а Анни, возвращаясь от станции, где покупала, остановилась у своего камня и, как всегда,

заставила его петь ударом ключа. Это был обломок скалы, вышиною в половину тебя. Если его ударишь, он долго звенит, все тише и тише, но, думая, что он смолк, стоит лишь приложиться ухом – и различишь тогда внутри глыбы его едва слышный голос.

Наши лесные дороги – это сады. Красота их сжимает сердце, цветы и ветви над головой рассматривают сквозь пальцы солнце, меняющее свой свет, так как глаза устают от него и бродят бесцельно; желтый и лиловатый и темно-зеленый свет отражены на белом песке. Холодная вода в такой день лучше всего.

Анни остановилась, слушая, как в самой ее груди поет лес, и стала стучать по камню, улыбаясь, когда новая волна звона осиливала полустихший звук. Так забавлялась она, думая, что ее не видят, но человек вышел из-за поворота дороги и подошел к ней. Шаги его становились все тише, наконец, он остановился; продолжая улыбаться, взглянула она на него, не вздрогнув, не отступив, как будто он всегда был и стоял тут.

Он был смугл – очень смугл, и море оставило на его лице остроту бегущей волны. Но оно было прекрасно, так как отражало бешеную и нежную душу. Его темные глаза смотрели на Анни, темнея еще больше и ярче, а светлые глаза женщины кротко блестели.

Ты правильно заключишь, что я ходил за ней по пятам, так как в лесу есть змеи.

Камень давно стих, а они все еще смотрели, улыбаясь без

слов, без звука; тогда он протянул руку, и она – медленно – протянула свою, и руки соединили их. Он взял ее голову – осторожно, так осторожно, что я боялсядохнуть, и поцеловал в губы. Ее глаза закрылись.

Потом они разошлись – и камень по-прежнему разделял их. Увидев Филиппа, подходившего к ним, Анни поспешила к нему.

«Вот Ральф; он пришел».

«Пришел, да». – От радости Филипп не мог даже закричать сразу, но наконец бросил вверх шляпу и закричал, обнимая пришельца: «Анни ты уже видел, Ральф. Это она».

Его доброе твердое лицо горело возбуждением встречи.

«Ты поживешь у нас, Ральф; мы все покажем тебе. И поговорим всласть. Вот, друг мой, моя жена, она тоже ждала тебя».

Анни положила руку на плечо мужа и взглянула на него самым большим, самым теплым и чистым взглядом своим, затем перевела взгляд на гостя, не изменив выражения, как будто оба равно были близки ей.

«Я вернусь, – сказал Ральф. – Филь, я перепутал твой адрес и думал, что иду не по той дороге. Потому я не захватил багажа. И я немедленно отправлюсь за ним».

Они условились и расстались. Вот все, охотник, убийца моих друзей, что я знаю об этом. И я этого не понимаю. Может быть, ты объяснишь мне.

– Ральф вернулся?

– Его ждали, но он написал со станции, что встретил знакомого, предлагающего немедленно выгодное дело.

– А те?

– Они умерли, умерли давно, лет тридцать тому назад. Холодная вода в жаркий день. Сначала простудилась она. Он шел за ее гробом, полуседой, потом он исчез; передавали, что он заперся в комнате с жаровней. Но что до этого?.. Зубы болят, и я не могу понять...

– Так и будет, – вежливо сказал я, встряхивая на прощание мохнатую, немытую лапу. – Только мы, пятипалые, можем разбирать знаки сердца; домовые – непроницательны.